

ствование явлений, выходящих за пределы прекрасного. И потому он признает право за художником жить двойною жизнью: «Поэт имеет две жизни, два мира; если ему скучно и неприятно в существенном, он уходит в страну воображения и живет там по своему вкусу и сердцу, как благочестивый магометанин в раю со своими семью гуриями». ²⁰

При этой установке на разрыв между миром действительным и воображаемым особое значение приобретают мечта и фантазия. «Прекрасная, вечно юная, многообразная, крылатая богиня, цветущая *Фантазия*. . . Благодетельная богиня, утешительница чело- веков! Ты снимаешь цепи с невольника, на африканском берегу стенающего. . . ты услаждаешь горечь слез, проливаемых сиротою, ты единым махом крыла своего возносишь последнего из пастухов на трон царский». ²¹

Апология фантазии — усладительницы и утешительницы — противостояла давним традициям «праведных речей» сатирического направления. Тем более карамзинская точка зрения была полемична по отношению к Радищеву, который требовал от литературы помощи в познании истины, необходимом для борьбы с причинами, порождающими страдания человечества.

Карамзин считает, что поиски истины не входят в задачи поэзии и утверждает право поэта на поэтический каприз, различную оценку одних и тех же явлений жизни в зависимости от настроения:

Ты хочешь, чтоб поэт всегда одно лишь мыслил,
Всегда одно лишь пел: безумный человек!

(1, 237).

Признание прав фантазии, поэтического своеволия, обусловленное философским скепсисом Карамзина, делает возможным отступление писателя от исходных позиций и порождает формулы, утверждающие субъективность «красоты истины» и «истины красоты»:

Читай стихи и верь единственно тому,
Что нравится тебе, что сказано прекрасно,
И что с потребностью души твоей согласно.

(1, 259).

Образ поэта-лжеца, чародея, украшающего «бедную существенность», жреца Фантазии и служителя Красоты был создан Карамзиным в 90-е годы. Он не исчерпывает отношения Карамзина к поэзии, но значение его велико. Конечно, он противостоит поэту-гражданину, судьбе общества, о котором говорили Кантемир, Новиков, Фонвизин, Крылов, и тем паче радищевскому поэту-революционеру. Но не в меньшей степени его образ противопоставлен

²⁰ Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву, стр. 69.

²¹ «Московский журнал», 1791, ч. III, стр. 323—326.